
pocket**book**

rocket**book**

ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

Эти несерьёзные,
несерьёзные фильмы



Москва
2018

УДК 791.43:929 Рязанов Э.
ББК 85.374(2)-8 Рязанов Э.
P99

Оформление серии *А. Саукова*

Фотография на обложке:
© Marianna Volkova / Lebrecht Music and Arts /
DIOMEDIA.

Рязанов, Эльдар Александрович.
P99 Эти несерьёзные, несерьёзные фильмы /
Эльдар Рязанов. — Москва : Эксмо, 2018. —
192 с.

ISBN 978-5-04-098167-0

Многие ли знают, что Эльдар Рязанов начинал как режиссер-документалист? И свой первый фильм «Остров Сахалин» — как режиссер документального кино, как хроникер. Обо всех этапах творческого становления любимого всеми режиссера комедий вы узнаете, прочитав эту книгу.

УДК 791.43:929 Рязанов Э.
ББК 85.374(2)-8 Рязанов Э.

ISBN 978-5-04-098167-0
© Рязанов Э., наследники, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

РОКОВАЯ ОШИБКА

Профессия кинорежиссера считается вполне приличной, уважаемой и даже завидной. Режиссер руководит, командует: «мотор!», «начали!», «стоп!», распекает членов съемочной группы, ездит на съемку в казенной легковой машине, выступает в телевизионных кинопанорамах, приглашается на премьеры и заграничные фестивали.

Действительно, со стороны жизнь режиссера может показаться весьма привлекательной. Довольно долгое время я тоже разделял это заблуждение.

Но однажды случилась история, которая заставила меня призадуматься. Фильм «Карнавальная ночь» только что прошел по экранам, и я ставил следующую кинокомедию, «Девушка без адреса».

Снимался эпизод на стройке в Черемушках, на четырнадцатом этаже. В съемочной группе объявили обеденный перерыв. Вместе с артистом Юрием Беловым мы пришли в столовую самообслуживания. Белов, одетый в грязную

спецовку, красную майку и берет, имел вид ухарского сварщика или каменщика. На мне же был обычный костюм, рубашка и галстук. Я протянул чеки симпатичной круглолицей поварихе. Она быстро налила мне тарелку щей и шлепнула на блюдо порцию гуляша. А потом она открыла рот и уставилась на Белова, как замороженная. Не отрывая глаз от артиста, она накладывала ему гуляш. Одна ложка, вторая, третья, четвертая — и вскоре в тарелке образовалась огромная гора. Повариха протянула ее Белову. И тогда я возмутился:

— Девушка, как же так? Мы выбили чеки за одно и то же, заплатили одинаково. Почему мне вы положили так мало, а ему вон сколько?!

Откровенно любуясь Беловым, та улыбнулась:

— Потому что он артист.

— Какой он артист? Он у меня здесь на стройке работает, — сказал я, изображая из себя прораба.

— Знаете, дорогой товарищ, — презрительно ответила девушка, — я «Карнавальную ночь» семь раз видела.

Так и ушли мы от этой раздачи. Юрий Белов гордо нес гуляш, которого хватило бы на десятых, а я понуро брел с крохотной порцией. И я впервые засомневался, правильно ли выбрал профессию?

Второй случай произошел в день премьеры фильма «Девушка без адреса», которая состоя-

лась в Лужниках, во Дворце спорта. Присутствовало много зрителей. Как водится, съёмочная группа и актеры перед началом сеанса стояли на сцене. Каждому подносили цветы, мы произносили взволнованные речи. После демонстрации фильма вместе с Николаем Рыбниковым, игравшим одну из главных ролей, мы вышли из Дворца спорта и сели в машину, чтобы ехать по домам.

В этот самый момент около пятисот поклонниц, заметив своего любимого артиста, буквально легли на автомобиль. В «Победе» сразу потемнело — все окна оказались закрыты телами девушек. Я сидел за рулем, а Рыбников — на месте пассажира. Отовсюду на нас (вернее, на него) смотрели восхищенные молодые глаза. Но поскольку внутри машины стояла тьма, девушки принялись скандировать: «Шофер, зажги свет!», «Шофер, зажги свет!» И мне ничего не оставалось, как зажечь свет, чтобы почитательницы смогли насладиться зрелищем своего кумира.

Тут я сообразил окончательно, что профессия выбрана неправильно — совершена крупнейшая в жизни ошибка. И я стал лихорадочно вспоминать: как же так получилось, что я пошел по этому неверному пути?

ДЕЛО СЛУЧАЯ

Я с детства любил читать. Читать научился, когда мне было три года. Помню, лежа на полу, я бормотал газетные тексты, не понимая их смысла. Меня интересовало само чудо: как из букв составляются слова. Читал я всегда запоем. Для того чтобы оторвать меня от книжки, нужно было окликнуть несколько раз — громко. Тогда я возвращался из волшебного мира Жюль Верна, Майн Рида или Александра Дюма, чтобы выяснить, зачем меня побеспокоили?

В восьмом классе я уже был уверен: самая лучшая профессия на земле — писатель! Для меня не существовало занятия прекраснее, чем чтение книг. Хотелось стать писателем и доставлять такое же удовольствие другим.

Писатель должен знать жизнь — это я усвоил крепко. А я ее совершенно не знал. Мое тогдашнее бытие не представляло интереса — так я считал в то время. Длинные очереди, в которых я простаивал часами за буханкой черного хлеба по карточкам; трудный быт эвакуации; прозябание в холодном бараке, где приходилось

растапливать печку кусками резиновых шин, подобранных на свалке; охота на гигантских, полуметровых крыс, шнырявших по бараку; умение готовить не только уроки, но и обед; наука нянчить младшего брата — все это было буднями, прозой. Уж если писать — то о сильных характерах, экзотических странах, о небывалых приключениях, больших страхах!..

Я пришел к выводу, что, прежде чем освоить писательское дело, я должен выбрать себе такую профессию, которая дала бы мне возможность познать жизнь. А потом уж я создам произведения об увиденном, испытанном, пережитом.

В то время моей любимой книжкой был «Мартин Иден» Джека Лондона. Ее герой — моряк Мартин Иден, объездивший полмира и многое перенесший, становится писателем. В этом образе я нашел для себя пример, которому намеревался следовать. Сначала я утолю свою жажду путешествий, увижу новые страны и их жителей, а потом опишу это в своих сочинениях. Вопрос был для меня ясен и прост: надо поскорее кончать школу, поступать в мореходное училище и, подобно Мартину Идену, избороздить океаны, насытиться жизненными впечатлениями.

Чтобы не тратить целый год на учебу в десятом классе, я решил сдать экзамены экстерном. Условия были таковы: надо выдержать одиннадцать экзаменов. На каждый из них «отпускался»

один день подготовки. Человек, схлопотавший двойку по какому-либо предмету, выбывал из этих «соревнований» навсегда, как принято на спортивных олимпиадах. Если ученик получал двойку на третьем экзамене, на пятом или на седьмом, он просто к дальнейшим испытаниям не допускался.

Я отважился рискнуть. Очевидно, в моем характере гнездились кое-какие авантюристические наклонности.

Поначалу дела двигались недурно. С литературой у меня сложились неплохие отношения. Сочинение, устный русский язык и литература прошли легко, в табеле красовались три пятерки. Дальше следовал иностранный язык, с которым я тоже более или менее справился, заработав твердую четверку; к географии — без нее моряку невозможно — я относился с особой симпатией.

Но с каждым днем преодолевать экзамены становилось все труднее — сказывалась усталость: напряжение для неокрепших мозгов было непосильным.

И вот наступил последний — одиннадцатый — экзамен по химии. Мыслительные способности крайне истощились. Они, способности, пребывали в довольно плачевном состоянии. Химия десятого класса — органическая и совершенно не похожа на неорганическую химию, которую я смутно помнил по девятому классу.

Вытащив билет, я посмотрел на него, как на китайскую грамоту. Вышел к доске и не сказал ни единого слова, буквально не открыл рта. Педагоги растерялись: в лежавшем перед ними таблице — только хорошие и отличные отметки!

В общем, учителя пожалели меня. Они нарушили свой педагогический долг и поставили мне по химии тройку, за что я им, естественно, очень и очень признателен.

Таким образом, я, совершенно неожиданно для себя, сделался владельцем аттестата об окончании десятилетки. Из шестидесяти человек, которые пустились в это рискованное предприятие, до финиша добралось только восемь. Я оказался одним из этих немногих счастливых.

Теперь можно было подавать документы в мореходку. Я послал в Одессу заявление с просьбой допустить меня к приемным испытаниям и стал ждать ответа. Однако шел сорок четвертый — военный — год. Почта работала плохо. Время летело, а ответ не приходил.

Если в ближайшие дни не будет получен конверт из Одессы, у меня пропадет год, который я выиграл лихой сдачей экзаменов за десятый класс. И я стал размышлять: «Может быть, пока, временно, стоит поучиться в каком-нибудь другом институте?»

И однажды, помню это как сейчас, я встретил на улице одного из тех восьми избранных, которые тоже завоевали аттестат. Я его спросил:

— Куда ты поступаешь?

Он сказал:

— Во ВГИК.

— А что это такое? — поинтересовался я.

Он ответил:

— Институт кинематографии.

— А-а-а?! — я был несколько обескуражен, потому что никогда в жизни не слышал о существовании такого института. — И на какой же факультет? — продолжал я допрос.

Он объяснил:

— На экономический. Я буду организатором производства.

— Кем? Кем?

Он предложил:

— Я еду сейчас в институт. Хочешь, поедем со мной, ты там все сам помотришь.

Сказано — сделано. Мы сели в трамвай и поехали во ВГИК.

Я ознакомился с программой приемных испытаний.

Чтобы попасть на операторский факультет, надо было искусно фотографировать и представить свои снимки. Я никогда не имел фотоаппарата и фотографией не занимался.

Поступающие на художественный факультет волокли увесистые папки с собственными работами: живописью и рисунками. Об этом вообще не могло быть речи: я в жизни не нарисовал ничего!

На актерском — абитуриенту необходимо читать стихи, басню, отрывок из прозы, играть этюды на заданные темы. Я не участвовал в самодельности и в глубине души подозревал, что как артист — бездарен. Следовательно, и актерская будущность для меня отпадала.

Оставался еще экономический факультет, на который стремился мой знакомый. Но профессия организатора производства меня не привлекала.

И, наконец, режиссерский! Здесь как будто бы ничего конкретно уметь не было нужно: ни фотографировать, ни рисовать, ни играть. Требовалось, правда, предъявить литературные труды. А они как раз имелись: я, как подавляющее большинство юношей, писал стихи. И я понял — надо подаваться на режиссерский факультет. Годик перебьюсь, за это время сумею списаться как следует с Одессой, выясню условия приема, и на будущий год поступлю в мореходное училище.

Все решено — я поехал домой, взял документы, аттестат, тетрабочку стихов и отвез в приемную комиссию ВГИКа.

При подаче документов я выяснил, что выбрал факультет, где на одно место претендовало двадцать пять человек. Двадцать пять! И сейчас, и тогда такой конкурс считался огромным.

Первый вступительный экзамен: рецензия на фильм, название которого нам предстояло

узнать только в просмотровом зале. Им оказался «Депутат Балтики» режиссеров А. Зархи и И. Хейфица. Фильм мне понравился чрезвычайно. Но в рецензии, написанной по школьным образцам, я толком не смог объяснить, что же именно произвело на меня впечатление.

Поставили мне за эту работу тройку.

Второй экзамен назывался загадочно: «Письменная работа». Нас заперли в институтской аудитории, где на каждом столе лежал распечатанный на машинке рассказ А. Чехова «Жалобная книга». Вы, конечно, помните, что рассказ этот состоит из записей, оставленных проезжающими пассажирами в вокзальной жалобной книге: «Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкин». «Жандармиха ездила вчера с буфетчиком Костькой за реку. Желаем всего лучшего. Не унывай, жандарм!» «Прошу в жалобной книге не писать посторонних вещей. За начальника станции Иванов 7-й». «Хоть ты и седьмой, а дурак». И. т. д. Задание заключалось в следующем: на свой вкус выбрать три любые записи и охарактеризовать людей, которые их оставили. Нужно было создать три литературных портрета.

Я умел писать стихи «под Маяковского», «под Есенина», «под Надсона», улавливая литературную манеру того или иного поэта. Я понял, что сейчас мне надо сочинить рассказы «под Чехова». Сообразил я также, что хорошо, если эти

три новеллы будут разными по форме. Одну новеллу я сделал в виде письма, другую — как отрывок из дневника, а третья была рассказом от автора. Я постарался максимально соблюсти чеховскую интонацию, чеховскую манеру письма, чеховский язык. Очевидно, в какой-то степени мне это удалось: я получил пятерку.

Наконец, оставалась главная экзекуция: собеседование... Про этот экзамен в институте ходили легенды. На коллоквиуме могли спросить о чем угодно, про кого угодно, как угодно. Могли заставить сыграть актерский этюд на любую тему, попросить спеть, станцевать, пройтись на руках... Пытка для каждого, естественно, выдумывалась индивидуально. Основной задачей приемной комиссии было заставить абитуриента врасплох, поставить его в безвыходное положение и посмотреть, как он будет выпутываться.

Для этого экзамена требовалось также приготовить отрывок прозы, стихотворение, басню и прочесть их с художественным, артистическим мастерством.

Первый вопрос мне задали довольно абстрактный:

— Скажите, что вы читали?

Я как-то растерялся, оробел и, наверное, поэтому ответил нахально:

— Ну, Пушкина, Лермонтова, и вообще я для своего возраста читал много.